

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

УДК 32(470+438)

doi 10.17072/2219-3111-2020-4-156-162

О РОЛИ СИМВОЛИЧЕСКОГО ИЗМЕРЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА: ЧИТАЯ КНИГУ МАЛЬТЕ РОЛЬФА О ПОЛЬСКИХ ЗЕМЛЯХ ПОД ВЛАСТЬЮ ПЕТЕРБУРГА¹

И. В. Нарский

Пермский государственный национальный исследовательский университет, 614990, Пермь, ул. Букирева, 15
Тюменский государственный университет, 625003, Тюмень, ул. Володарского, 6
inarsky@mail.ru

Совмещена рецензия на монографию Мальте Рольфа (в русском переводе) о взаимодействии российского административного аппарата и польского населения в течение «долгого XIX века» с размышлениями о значении изучения символического восприятия и поведения исторических акторов для интерпретации этнических конфликтов. В книге поставлена и успешно решена задача показать на польско-русском материале, как функционировала Российская империя между Венским конгрессом и началом Первой мировой войны. Особенно убедительно замысел книги решен на материале после польского восстания 1863 – 1864 гг. Рольфу удалось аргументировать мысль о том, что взаимная подозрительность царских чиновников и польского населения не исключала взаимной заинтересованности и конструктивного, плодотворного взаимодействия. Автор убедительно критикует расхожее клише о перманентном конфликте «реакционного» государства с «прогрессивным» обществом как в императорской России в целом, так и – в особенности – в западных губерниях. Внимание к символической составляющей польско-русского конфликта позволило Рольфу пластично менять перспективу исследования и изложения в рамках макро- и микроисторического подходов, понять оптику видения Своего и Чужого и логику действий и взаимодействий сторон конфликтного сообщества. Коммуникация между царскими чиновниками, польским обществом и русской диаспорой, как убедительно демонстрирует немецкий историк, обеспечивала сложный учебный процесс для всех ее участников, в ходе которого одни стереотипные представления друг о друге укреплялись, другие модифицировались, третьи устаревали и выходили из оборота политической, социальной и символической практики.

Ключевые слова: Российская империя, Привисленский край, Царство Польское, конфликтное сообщество, символическая политика.

Торжественное открытие в 1913 г. третьего моста через Вислу в Варшаве было омрачено конфликтом между петербургскими властями и жителями польской столицы. Столкновение мнений вызвал вопрос церемониально-символического характера: кому из местных церковных иерархов должна была выпасть честь освящать мост – католическому или православному? За, казалось бы, формальным вопросом символической иерархии праздничного торжества скрывались застаревшие и по-прежнему болезненные вопросы власти над польской «окраиной» и целый комплекс проблем, связанных с хрупкостью власти Петербурга над Привислинским краем. Этот сюжет, открывающий книгу профессора восточно-европейской истории в Ольденбургском университете Мальте Рольфа о российском господстве над Царством Польским [Рольф, 2020], хронологически завершает панорамное изображение столетнего российско-польского взаимодействия – между 1815 и 1915 гг., выводит на постановку исследовательской задачи и читается как исследовательская программа.

Интернационально признанный эксперт по советской и польской истории, по польско-русским взаимодействиям в императорскую и советскую эпохи, Мальте Рольф известен российскому читателю по книге о массовых праздниках в СССР [Рольф, 2009], в основе кото-

рой лежит его первая диссертация [Rolf, 2006], защищенная в 2004 г. и переведенная на английский язык [Rolf, 2013]. Новая книга Рольфа представляет собой расширенную версию его второй диссертации (2012), переработанной в немецкоязычную книгу [Rolf, 2014], которая была переведена на польский язык [Rolf, 2016] и признана Польским историческим обществом лучшей иностранной книгой по польской истории за 2012–2017 гг. В ближайшее время ожидается выход англоязычной версии этой книги [Rolf, 2021].

Основная задача книги М. Рольфа состоит, согласно авторской формулировке, «не в том, чтобы просто описать, как Петербург управлял одной из многих провинций своей державы: с использованием польского материала в качестве примера в книге поднимается фундаментальный вопрос о том, как формировалось имперское господство в этом многослойном и меняющемся переплетении административных аппаратов и методов управления, представлений акторов о своем месте в них, концептуальных горизонтов акторов и их конкретного опыта, встреч и конфликтов на местах» [Рольф, 2020, с. 26]. С учетом выдающейся роли «польского вопроса» в российской политике, официальной идеологии, общественном мнении и культуре решение этой задачи в конечном счете позволит, по мнению автора, «увидеть, как была устроена царская Россия в целом и каковы были движущие силы ее трансформации на протяжении „долгого“ XIX века» [Рольф, 2020, с. 15].

Отказываясь от традиционного для старых национальных историй линейного, иллюзорно целостного и последовательного изложения, М. Рольф избирает «ситуативный подход», успешно апробированный другим видным исследователем национальной проблематики в Российской империи – Алексеем Миллером [Миллер, 2006] и восходящий к идее прерывистости реальности, лежащей в основе микроистории и других воплощений культур(аль)ной истории [Гинзбург, 2004, с. 287–320]. Переломными «ситуациями» в излагаемой истории для М. Рольфа являются организация управления Привислинским краем после польского восстания 1863–1864 гг. революция 1905–1907 гг. и конец российского господства над Царством Польским (1915). Ретроспектива формирования власти Санкт-Петербурга над польскими территориями начиная с разделов Польши 1772–1815 гг. через реакции на восстание в Польше 1830 – 1831 гг., в книге также описывается, но не находится в центре анализа. Внимание автора сфокусировано на Варшаве – «центре управленческой бюрократии и зоне повышенной плотности взаимодействия между имперской администрацией и местным населением» [Рольф, 2020, с. 18].

Рольф сосредоточивает внимание на сформулированных им шести тематических полях: «административный аппарат», «констелляции тех конфликтов, которые разыгрывались между царской бюрократией с местным населением», «имперская власть как формирующий фактор», «представление административных элит о самих себе», «складывание имперского общества в польских провинциях и прежде всего в Варшаве», «взаимосвязанность польских земель с другими окраинными территориями России и Петербургом» [Рольф, 2020, с. 18–25].

Эти тематические поля запечатлелись в структуре исследования. Из семи глав (фактически в книге их пять, поскольку в самостоятельные главы М. Рольф выделяет введение и заключение) вторая и шестая построены по хронологическому принципу и посвящены периодам царского владычества над Польшей: с 1772 по 1863 и с 1900 по 1914 г., главы с третьей по пятую, а также седьмая (заключение) построены вокруг выделенных тематических полей в период между 1863 и 1915 гг. Именно эти проблемно ориентированные главы являются самыми сильными частями монографии М. Рольфа.

Третью главу («Структуры, акторы и сферы российского владычества в Царстве Польском после 1963 года», с. 125 – 268) пронизывают идеи о неадекватности применения к унифицирующим, общеимперским реформам Александра II термина «административная руссификация», о которой можно говорить лишь в отношении политики последних двух российских императоров в связи с нарастающим восприятием российским правительством себя как представительства «русского»; о прекрасной осведомленности о местных условиях значительной части российских чиновников, служивших в Польше; об ориентации имперских чиновников на интересы имперского государства, а не узконационалистического «русского дела» не только в XIX, но и в начале XX в.

Четвертая глава («Империя и мегаполис: пример Варшавы», с. 269–361) составляет своего рода кульминацию исследования и являет собой гармоничное и убедительное соединение

локального микроисследования с общеимперским контекстом. Автор аргументированно критикует стереотипное представление о власти Петербурга как о реакционном факторе угнетения и торможения и представляет российское господство как «продуктивный фактор в сложной городской системе уровней и акторов модернизации и взаимодействия сил» [Рольф, 2020, с. 272]. Этот тезис М. Рольф обосновывает, рисуя с помощью точечных кейсов взаимодействие и взаимный интерес русских чиновников и польских предпринимателей и филантропов, домовладельцев и инженеров.

Пятая глава («Формы имперского общества», с. 362–403) является компактным очерком «русской Варшавы» – русского общества в польской столице, которое не соответствует расхожим представлениям об «обществе» в Российской империи как антиподе самодержавной власти, оплоте эмансипации, публичной сфере и гражданском обществе в противостоянии государственным структурам. «Если бы мы попытались применить такое понимание „общества“ к русской общине в Варшаве, – пишет М. Рольф, – то пришлось бы, особенно в первые годы после Январского восстания, констатировать только отсутствие общества там: никакого русского „общества“ за пределами государственных учреждений в Привислинском крае после 1864 года не существовало» [Рольф, 2020, с. 363–364]. Более того, активисты русского общества в Варшаве выступали с более радикальных, антипольских позиций, чем царские чиновники, что вынуждало последних дистанцироваться от ярых русских националистов.

За хронологически организованной шестой главой («Империя в кризисе: Царство Польское в 1900–1914 годах», с. 404–489), посвященной революции 1905–1907 гг. и ее последствиям на польских территориях, следует заключение («Глава VII. Царство Польское и Российская империя: заключение», с. 490–537). Из тезисов, сформулированных в нем, особо важными представляются следующие. Во-первых, национальная политика в Российской империи определилась не концепциями, а острыми повседневными вопросами. В итоге о последовательной «национальной политике» в Привислинском крае говорить не приходится. Во-вторых, конфликтное сообщество края держалось не на фундаментальной чуждости царских чиновников местному населению, а на их взаимосвязанности и взаимодействии в отношении проблем, важных для обеих сторон. «Это не вело к общему примирению, но создавало возможности для сотрудничества по отдельным пунктам» [Рольф, 2020, с. 496]. В-третьих, польские земли были своего рода лабораторией имперской политики, а местный опыт приобретал общеимперское значение: «Польские территории были местом, где испытывались методы имперского господства; отчасти они и разрабатывались именно здесь, а потом применялись в других провинциях империи» [Рольф, 2020, с. 512].

М. Рольф опирается на обширный комплекс опубликованных и неопубликованных документов из польских и российских библиотек и архивов. Многолетние разыскания по теме сопровождались тщательным изучением международной исследовательской литературы, в которой автор прекрасно ориентируется.

Особо впечатляет умение автора менять перспективу изложения, выбирать между различной степенью приближения объекта анализа, между макро и микро, между взглядом с высоты птичьего полета и оптикой исторического актора, непосредственного участника и свидетеля событий. Эта мультиперспективность исследовательского инструментария четко проявилась в изображении фактов символической политики и символического восприятия происходящего действующими лицами. С одного из таких фактов – освящения моста через Вислу – и начинается повествование М. Рольфа. Автор многократно подчеркивает важность ритуальной символизации и визуальной репрезентации конфликта в восприятии и поведении обеих сторон на протяжении десятилетий царского господства над польскими землями [Рольф, 2020, с. 92, 143, 145, 187–188, 213, 229, 234–235, 236, 256–257, 299, 323, 371, 372, 385, 386, 387, 392, 412, 442, 462, 463, 486]. Говоря о необходимости учитывать в исследовании российскую символическую политику в Царстве Польском, он аргументирует это указанием на то, что «для многих польских подданных именно в ней зримо и особенно болезненно проявлялось их подчинение русскому господству» [Рольф, 2020, с. 143]. Символические жесты были столь важны, что сплошь и рядом заслоняли и делали незаметными для польских современников позитивные изменения в развитии Царства Польского.

И неудивительно: символическая политика Петербурга в Варшаве была нацелена на то, чтобы быть замеченной, а значит, была зримой и репрезентативной. Будь то строительство русских крепостей и тюрем, церквей и памятников, проведение парадов и праздников, визитов императоров и связанных с этим торжеств, перекодирование польских мест памяти в русские, присвоение русских названий городам и улицам, обязательность писать кириллицей названия магазинов и на рекламных щитах, говорить по-русски в университетском кампусе или на приеме генерал-губернатора – все эти меры принимались российскими властями сознательно и демонстративно, с тем чтобы показать полякам, кто здесь хозяин.

Уязвленные в своем национальном самолюбии поляки отвечали тем же, активно используя символические действия против российских властей: «Символические диверсии стали оружием слабых – людей, лишенных политической публичной сферы. И вот бурные аплодисменты на постановке гоголевского „Ревизора“ оказываются способом выразить критическое отношение к „русским порядкам“ в Царстве Польском. Или, нося публично траурную одежду, человек мог выражать свое недовольство политической ситуацией, а не посещая богослужения и молебны по случаю официальных праздников – заявлять о своем отказе подчиняться требованиям, навязанным чужой властью. Важными точками и моментами кристаллизации символического сопротивления были места и даты, связанные с польскими восстаниями против России, Пруссии и Австрии. Часто дань уважения „мученикам“ эпохи восстаний могла получать свое выражение в прогулке на местном кладбище и посещении могил повстанцев» [Рольф, 2020, с. 234–235]. В этом контексте становится более понятной, например, чрезмерная, на первый взгляд, острота конфликтов накануне Первой мировой войны между правящими властями и польскими пожарными дружинами – единственной организацией, членам которой позволялось публично носить собственную униформу и которая, следовательно, выполняла роль «небольшой репрезентативной ниши для общества, лишенного права носить эмблемы суверенитета» [Рольф, 2020, с. 463]. Не приходится удивляться, что российские чиновники и особенно цензоры в Польше политизировали символические действия польских подданных, прочно связывали их с «польским вопросом» и относились к ним крайне подозрительно, стараясь разоблачить и пресечь.

В политически острых ситуациях польские символические акты не только становились ответом на российскую политику памяти, но и обретали институциональную плоть. Так произошло, например, при подготовке российскими властями празднования 100-летия Бородинской битвы: в 1911–1912 гг. в Варшаве был создан нелегальный комитет национального траура, который призывал с помощью траурной одежды и отказа от навязываемых развлечений протестовать против празднования победы России над Наполеоном как пролога последнего раздела Польши на Венском конгрессе.

Но надежда умирает последней: изредка имело место не только негативное, но и неоправданно оптимистичное чтение символических актов российской администрации. Так случилось, например, в конце XIX в., когда варшавский генерал-губернатор А.К. Багратион-Имеретинский разрешил торжественно открыть в самом центре Варшавы, на улице Краковское Предместье, памятник Адаму Мицкевичу, олицетворявшему для поляков не только польскую культуру, но и борьбу за свободу. Впрочем, пищу для подобных вспышек надежды российская символическая и историческая политика царских чиновников в Польше давала редко.

Символическим наполнением отличались не только действительные или мнимые политические жесты, но и рутинные тексты, например, путеводители по Варшаве. Символическая топография русскоязычных путеводителей, адресованных русским путешественникам, превращала Варшаву в русский город, обращая их внимание на властные учреждения, районы обитания русской общины, места русской культуры и русские памятные места. Наиболее развитые и привлекательные польские районы в русских путеводителях не упоминались, зато в них включались невыигрышные места обитания местного населения, например, Старый город, «мир Других – католиков и евреев, ассоциируемый с грязью, нечистотами и зловонием» [Рольф, 2020, с. 386]. В польских же путеводителях картина была прямо противоположной: русское присутствие в них всячески замалчивалось, а среди варшавских достопримечательностей отмечались те, что ассоциировались со временем до разделов Польши.

Символические акты рассматриваются М. Рольфом не только как показатель остроты и болезненности многолетней взаимной польско-русской подозрительности, но и как обоснование динамических процессов во взаимодействии оппонентов и их восприятия себя и друг друга. Так, автор констатирует гиперчувствительность местных русских националистов к символическим актам демонстрации лояльности царствующему дому и враждебности к полякам и прослеживает, как под их влиянием «русская» имперская политика мало-помалу этнизировалась и дрейфовала в сторону «русской». Отсутствие усилий российской администрации по привлечению польского общества к празднованию 100-летия Бородинской битвы убедительно интерпретируется М. Рольфом как отказ господствующей элиты «от всяких претензий на символическую интеграцию местного населения в общероссийский контекст. Поляки были уже практически потеряны для России как подданные, участвующие в ее жизни и ее праздниках» [Рольф, 2020, с. 486].

Важность символической составляющей описываемого в книге М. Рольфа польско-русского взаимодействия и сосуществования на протяжении полутора веков очевидна. Любое современное исследование формирования проектов национальной идентичности и развития национальных движений опирается на конструктивистскую парадигму, имеющую в основе понимание нации как продукта «изобретенной традиции» и «воображаемого сообщества» [Андерсон, 2016; Hobsbawm, Ranger, 1983], которое основывает, обосновывает и поддерживает свою целостность с использованием символов.

Но символические формы восприятия и поведения чрезвычайно важны и за пределами изучения национальных проектов идентичности и межнациональных конфликтов. Согласно социологии коммуникации символы являются репрезентациями репрезентаций. Они не обозначают предметы, а указывают на представления о них. Поэтому центральная проблема коммуникации вокруг символов – проблема общего языка. По мнению философа коммуникации Вилема Флюссера, «регулярно выстраиваемые из символов коды... являются мостами между человеком и миром... – они “означают” мир. Одновременно они являются также мостами между отдельными людьми: они должны означать мир для других, а это значит, они означают мир согласно “договоренности”. Однако любое соглашение о значении должно само быть относительно значимым» [Flusser, 1998, S. 76–77]. В результате таких соглашений возникает достаточно устойчивый «кодифицированный мир» [Ibid., S. 16].

Потребность в уютном, разделяемом с окружающими «кодифицированном мире» характерна, впрочем, не только для национального, но и для любого другого «воображаемого сообщества», будь то класс, гендер, поколение или иная общность, выходящая за рамки коммуникации лицом к лицу. Следовательно, конструируемый в ходе повседневной, будничной и праздничной, коммуникации символический, договоренный мир экзистенциально важен для любого из нас, равно как и для каждого из тех, кого историки именуют историческими акторами. Символы выступают, таким образом, в качестве опор «кодифицированного мира» как иллюзорного и, тем не менее, стабильного и ясного, привычного, родного и легко объяснимого социально-культурного пространства.

Поэтому если исходить из базового представления современной истории о том, что мы не можем адекватно объяснить прошлое, не зная о том, как воспринимали, понимали и интерпретировали себя и других, свое окружение и происходящее с ними и вокруг них исторические акторы, то символическое измерение исторического процесса приобретает первостепенное значение в качестве предмета, источника и исследовательского инструмента историка.

В книге М. Рольфа интерес к символической политике и практике обеих сторон польско-русского взаимодействия и конфликта концентрируется на периоде после январского восстания 1863 г. Именно здесь автору удается изящно менять исследовательскую перспективу в границах макро- и микроисторического подходов, добиваться ярких, запоминающихся зарисовок, формулировать оригинальные тезисы. С главами, начиная с третьей, несколько контрастирует вторая глава, посвященная российскому владычеству над польскими землями с 1772 до 1863 г., в ней традиционное, общее панорамное описание с высоты птичьего полета преобладает. Не приходится удивляться, что символическая составляющая польско-русского взаимодействия в главе отсутствует. Специально встроенная, видимо, по рекомендации издательства и российских коллег, в русское издание, эта глава опирается на солидную исследовательскую

литературу, среди которой по частотности цитирования преобладают два автора [Долбилов, Миллер, 2007; Miller, Dolbilov, 2011], и не претендует на оригинальность. Находящаяся в начале книги, она создает для всей монографии некоторую тактическую угрозу: есть шанс, что читателю не хватит терпения дочитать эту сотню страниц до конца и перейти к гораздо более выигрышным последующим главам. Тем более, что вторая, обзорная, глава не очень тщательно встроена в переведенное на русский язык первоначальное, немецкоязычное исследование М. Рольфа. В стилистике главы ощущается желание сделать ее как можно более компактной, т. е. максимально уплотнить авторский текст и отказаться от иллюстраций и цитирования источников. А в заключении книги читатель неожиданно узнает, что книга посвящена особенностям пяти десятилетий имперского правления в Царстве Польском, между 1864 и 1915 г. [Рольф, 2020, с. 490–491].

За пределами этого досадного изъяна исследование М. Рольфа заслуживает пристального внимания российских коллег и активного включения их в ряд дискуссий. Среди них разговор об особенностях устройства и функционирования Российской империи в «долгом» XIX столетии, полемика о заметно убывающей эвристической ценности дихотомии «государство – общество» или, точнее, «реакционное государство» vs «прогрессивное общество», особенно для интерпретации взаимодействия имперского центра и западных окраин, обсуждение вопроса о роли символического наполнения восприятия и поведения исторических акторов.

Примечания

¹ Исследование выполнено при поддержке РНФ (проект № 20-18-00342).

Библиографический список

- Андерсон Б. Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма. М.: Кучково поле, 2016. 416 с.
- Гинзбург К. Микроистория: две-три вещи, которые я о ней знаю // Мифы – эмблемы – приметы: Морфология и история: Сб. статей. М.: Нов. изд-во, 2004. С. 287–320.
- Долбилов М.Д., Миллер А.И. (ред.) Западные окраины Российской империи. М.: НЛЮ, 2007. 608 с.
- Миллер А. Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. М.: НЛЮ, 2006. 248 с.
- Рольф М. Советские массовые праздники. М.: РОССПЭН, 2009. 439 с.
- Рольф М. Польские земли под властью Петербурга: от Венского конгресса до Первой мировой. М.: НЛЮ, 2020. 576 с.
- Flusser V. Kommunikologie. Frankfurt am M.: Fischer Taschenbuch Verlag, 1998. 288 S.
- Hobsbawm E., Ranger T. (eds.) Invention of Tradition. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. 320 p.
- Miller A., Dolbilov M. «The Damned Polish Question». The Romanov Empire and the Polish Uprising of 1830–31 und 1863–64 // Leonard J., Hirschhausen U. von (eds.) Comparing Empires. Encounters and Transfers in the Long Nineteenth Century. Göttingen, 2011. P. 425–452.
- Rolf M. Das sowjetische Massenfest. Hamburg: Hamburger Edition, 2006. 453 S.
- Rolf M. Soviet Mass Festivals. 1917–1991. Pittsburgh: University Press, 2013. 324 p.
- Rolf M. Imperiale Herrschaft im Weichselland: Das Königreich Polen im Russischen Imperium (1864–1915). München: Oldenbourg, 2014. 544 S.
- Rolf M. Rządy imperialne w Kraju Nadwiślańskim. Królestwo Polskie i cesarstwo rosyjskie (1864–1915). Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 2016. 506 s.
- Rolf M. Russian Rule in the Kingdom of Poland (1864–1915). Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2021 (в печати).

Дата поступления рукописи в редакцию 12.10.2020

**ON THE ROLE OF THE SYMBOLIC DIMENSION
OF THE HISTORICAL PROCESS: READING A BOOK
BY MALTE ROLFF ON POLISH LANDS UNDER
THE AUTHORITY OF ST. PETERSBURG**

I. V. NarSKIy

Perm State University, Bukirev str., 15, 614990, Perm, Russia
University of Tyumen, Volodarskogo str., 6, 625003, Tyumen, Russia
inarsky@mail.ru

The article combines a review of the Russian translation of Malte Rolf's study on the interaction between the Russian administrative apparatus and the Polish population during the "long 19th century" with a reflection on the importance of investigating the symbolic perception and behaviour of historical actors to interpret ethnic conflicts. The book successfully set and solved the task of using Polish-Russian material to show how the Russian Empire functioned between the Congress of Vienna and the beginning of World War I. Rolf succeeded in convincingly demonstrating that the mutual distrust of tsarist officials and the Polish population did not exclude mutual interest and constructive interaction. The author criticizes the widespread clichés about the permanent conflict between the "reactionary" state and the "progressive" society both in imperial Russia as a whole and – especially – in western provinces. The attention to the symbolic component of the Polish-Russian conflict allowed the author to plastically switch the perspective of research and representation between macro- and micro-historical approaches, to understand the optics of the vision of the own and the foreign, and the logic of the actions and interactions of the parties of the community in conflict. Communication between Tsarist officials, Polish society and the Russian diaspora, as persuasively demonstrated by the German historian, provided a complex learning process for all its participants, in which some stereotypical ideas about each other were reinforced, others were modified, others became outdated and went out of the political, social and symbolic practice.

Key words: Russian Empire, Vistula Region, Kingdom of Poland, conflict community, symbolic policy.

References

- Anderson, B. (2016), *Voobrazhaemye soobshchestva. Raymyshleniya ob istokakh i rasprostraneni natsionalizma* [Imaginary communities. Reflections on the origins and spread of nationalism], Kuchkovo pole, Moscow, Russia, 416 p.
- Dolbilov, M.D. & A.I. Miller (eds.), *Yapadnye okrainy Rossiyskoy imperii* [Western periphery of the Russian Empire], NLO, Moscow, Russia, 608 p.
- Flusser, V. (1998), *Kommunikologie*, Fischer Taschenbuch Verlag, Frankfurt/M., Germany, 288 p.
- Ginzburg, K. (2004), "Mikrohistory: two or three things I know about it", in *Mify – emblemy – promety: Morfologiya i istoriya* [Myths – emblems – signs: Morphology and history], Novoe izdatelstvo, Moscow, Russia, pp. 287 – 320.
- Hobsbawm, E. & T. Ranger (eds.) (1983), *Invention of Tradition*, Cambridge University Press, Cambridge, UK, 320 p.
- Miller, A. & M. Dolbilov (2011), "The Damned Polish Question". The Romanov Empire and the Polish Uprising of 1830-31 und 1863-64", in Leonard, J. & U. von Hirschhausen (eds.), *Comparing Empires. Encounters and Transfers in the Long Nineteenth Century*, Vandenhoeck & Ruprecht, Göttingen, Germany, pp. 425–452.
- Miller, A. (2006), *Imperiya Romanovykh i natsionalizm. Esse po metodologii istoricheskogo issledovaniya* [Romanov Empire and nationalism. Essays on historical research methodology], NLO, Moscow, Russia, 248 p.
- Rolf, M. (2006), *Das sowjetische Massenfest* [Soviet Mass Festivals], Hamburger Edition, Hamburg, Germany, 453 p.
- Rolf, M. (2009), *Sovetskiye massovyye praydniki* [Soviet Mass Festivals], ROSSPEN, Moscow, Russia, 439 p.
- Rolf, M. (2013), *Soviet Mass Festivals, 1917–1991*, University Press, Pittsburgh, USA, 324 pp.
- Rolf, M. (2014), *Imperiale Herrschaft im Weichselland: Das Königreich Polen im Russischen Imperium (1864-1915)* [Imperial rule in the Vistula Region: The Kingdom of Poland in the Russian Empire (1864-1915)], Oldenbourg, München, Germany, 544 p.
- Rolf, M. (2016), *Rzqdy imperialne w Kraju Nadwiślańskim. Królestwo Polskie i cesarstwo rosyjskie (1864–1915)* [Imperial rule in the Vistula Region: The Kingdom of Poland in the Russian Empire (1864-1915)], Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, Warszawa, Poland, 506 p.
- Rolf, M. (2020), *Polskiye zemli pod vlast' u Peterburga: ot Venskogo kongressa do Pervoy mirovoy* [Polish territories under St. Petersburg's rule: from the Vienna Congress to World War I], NLO, Moscow, Russia, 576 p.
- Rolf, M. (2021), *Russian Rule in the Kingdom of Poland (1864–1915)*, University of Pittsburgh Press, Pittsburgh, USA, (in print).